

стей свадебного обряда вторичных по заселению русских территорий, к которым относится и Пензенская область, она является единственно верным ориентиром.

⁶ Чистов К. В. Актуальные проблемы изучения традиционных обрядов Русского Севера // Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974. С. 18.

⁷ Последний термин недостаточно ясен, так как в обряде большую роль играет собственно курник — свадебный пирог.

⁸ Здесь обычай совпадает с севернорусской традицией. Но не следует забывать и о местном элементе. Для мордовской культуры банный обряд — один из центральных. Мордовская традиция плача не уступает, а может быть, и превосходит аналогичную северно-русскую.

⁹ Максимов С. В. Из очерков народного быта. Крестьянские календарные праздники // Литературные путешествия. М., 1986. С. 251—252.

¹⁰ Чичеров В. И. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX веков // Очерки по истории народных верований. Тр. ИЭ АН СССР. Т. XI. М., 1957. С. 202.

¹¹ Вспомним, что В. Я. Пропп объяснял магической функцией, усиливающей производительные силы природы, смех в покойницких играх. См.: Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. Опыт историко-этнографического исследования. Л., 1963. С. 70.

¹² Гилярова Н. Н. К вопросу типологии свадебных песен рязанской Мещеры // Проблемы стиля в народной музыке. М., 1986. С. 55—73. Аналогия с мещерской зоной не случайна. Исторически сложилось так, что значительная часть населения северо-западных районов Пензенской области мигрировала из Мещеры. Постепенное заселение земель началось в XIV в. Волна миграции опускалась через шацкие земли в Земетчено. Именно там до сих пор сохраняются особенности мещерского говора, типы обрядов и костюм. См.: Народное искусство Пензенской области конца XIX—XX веков. М., 1989.

¹³ Тонический стих в музыкальной фольклористике — бесцезурный, основанный на логических ударениях, совпадающих с музыкальными акцентами.

¹⁴ Текст приводится без учета музыкально-поэтической строфики.

Wedding ceremonies of the Penza region population

The musical elements of the Russian wedding ceremony have been studied by the expedition of the Moscow State Conservatory to Penza region during 1983—1992. The expedition find out some ritual traits that makes it possible to say about rather peculiar wedding ritual of this region.

N. N. Gilyarova

© 1996 г., ЭО, № 2

Е. М. Белецкая, Н. Н. Великая,
В. Б. Виноградов

КАЛЕНДАРНАЯ ОБРЯДНОСТЬ ТЕРСКИХ КАЗАКОВ

Развитие хозяйственной деятельности у всех народов мира протекало в соответствии с постоянной ежегодной сменой сезонов. К определенным временам года были приурочены и определенные виды труда (сев, жатва, выгон стад на летние пастбища и т. п.), т. е. человеческая деятельность была вплетена в круговорот природы. По мнению исследователей, именно производственный год крестьянина, его наблюдения над явлениями природы легли в основу аграрных календарей ¹. К важнейшим их датам первоначально относились дни зимнего и летнего солнцезворотов. Поэтому у многих народов мира сохранились следы архаического двулетнего деления года на зиму — лето, при этом весне и осени отводилась роль промежуточных временных отрезков. Не отрицая права исследователей классифицировать календарную обрядность по четырем сезонам, мы считаем возможным и объединение их в два больших цикла: зимне-весенних и летне-осенних праздников. Цель тех и других — обеспечить хороший урожай сельскохозяйственных культур, приплод скота, благополучие в семье, удачу на весь предстоящий

год. Это зависело как от практической деятельности людей, так и от сил природы, на которые человек пытался воздействовать различными магическими приемами. С закономерностями годового цикла связано и регулярное повторение определенных обрядовых действий. Поэтому именно в календарных празднествах, как ни в каких других, сохранилось большое число весьма архаических элементов.

Календарная обрядность — явление чрезвычайно сложное. Она включает множество разнообразных элементов: запреты и гадания, торжественные трапезы и посты, игры и ряжения, дарения и богослужения, магические обряды, связанные с водой, солнцем, зеленью и другими объектами и явлениями природы, и мн. др. Их состав и осмысление менялись под влиянием социально-экономических трансформаций, некоторые древние ритуалы забывались, вытеснялись церковными или переходили в разряд чисто увеселительных действий, детских игр и т. п. ²

Исследователи отмечали, что рудименты далекого прошлого лучше всего сохранились в старообрядчестве ³. В этой связи большой интерес представляет изучение календарной обрядности у терских казаков, значительная часть которых (гребенцы) являлась старообрядцами.

Предметом настоящего исследования служит календарная обрядность казаков среднего течения р. Терек (от ст-цы Наурской на западе до ст-цы Бороздинской на востоке).

Ранняя история терцев изучена недостаточно полно. В литературе до сих пор нет единого мнения о первоначальном расселении казаков, их происхождении. Старейшей группой русского населения на Тереке считаются гребенцы-старообрядцы. Их формирование относится к середине XVI в. ⁴ На левобережье Терека известны пять гребенских станиц: Червленая, Щедринская, Новогладковская (Гребенская), Старогладковская, Курдюковская. В конце XIX — начале XX в. здесь преобладало русское по происхождению население, придерживающееся старообрядчества.

В начале XVIII в. с р. Аграхань вниз по Тереку были переселены донские казаки. Они образовали три поселения, составившие продолжение гребенских станиц: ст-цы Каргалинскую, Дубовскую, Бороздинскую ⁵.

Во второй половине XVIII в. на Терек была переведена часть волжских казаков. Они расселились от Моздока до Червленной следующими станицами: Галагаевская, Ищерская, Наурская, Мекенская, Калиновская. Впоследствии к ним были присоединены казаки с Дона. Таким образом, старожильческое население средне-терских станиц формировалось в основном из русского населения, по исповеданию делившегося на православных и старообрядцев.

В первой половине XIX в. в терские станицы стали переселяться «малороссийские» (украинские) казаки. Однако «инородцы» в полках Терского казачьего войска составляли не более 7,2%. В дальнейшем украинское население на Тереке возросло за счет государственных крестьян. Отметим также, что в станицах Кизляро-Гребенского полка издавна селились кавказские горцы, что в определенной степени сказалось на развитии духовной культуры терцев ⁶.

В дореволюционный период традиционные праздники терцев специально не изучались. Незначительная информация о них содержалась в работах П. А. Вострикова, Е. Бутовой, Г. А. Ткачева, В. Пятирублева, А. Ржевуского ⁷. Некоторые из советских исследователей (например, фольклорист Б. Н. Путилов) считали, что календарная поэзия и обрядность чужды казачеству и окончательно исчезли. Эта точка зрения была опровергнута В. Г. Чеботаревой ⁸. В ходе полевых исследований ею был собран обширный фольклорно-этнографический материал, дана его интерпретация. Основное внимание В. Г. Чеботарева сосредоточила на новогодней и троицкой обрядности, подкрепила этнографические материалы соответствующими им фольклорными текстами ⁹.

Авторами настоящей статьи в ходе фольклорно-этнографических работ в 1970—1990 гг. был собран новый материал о календарных праздниках в гребенских станицах. Имеющиеся на сегодняшний день источники позволяют более

полно рассмотреть зимне-весеннюю календарную обрядность терских казаков как своеобразной этнографической группы русского народа.

Следует отметить, что на характере календарных обрядов отразилось существовавшее у терцев деление на староверов («батьяков») — потомков наиболее ранних групп славянских поселенцев на Тереке и на православных, прибывших сюда позднее. У старообрядцев сохранились многие ритуальные действия и песни, не знакомые православным.

Святки широко отмечали и те и другие. За неделю до Святки девушки ночевали в домах подружек, по вечерам собирались на полатах и слушали святочные песни, исполнявшиеся взрослыми («отцы поют — нас учуть»). Затем девушки пели сами, а старшие проверяли, умеют ли молодые колядовать, славить и пр.¹⁰. Так обеспечивалась преемственность в выполнении обрядов.

В гребенских станицах накануне Рождества варили кутью из пшеницы (у православных — из риса), поливая ее медом. После освящения кутьи в церкви (или у уставщиков) приступали к поминанию умерших родственников. Аналогичное поминовение предков своей семьи существовало и у православных¹¹.

Рождественский праздник обычно начинался с заутрени. После нее в семьях происходил прием поздравителей. В одних станицах (Наурская) поздравителями были дети от 5 до 10 лет. Они пели религиозные песни, славящие Христа. И в целом славления были характерны главным образом для православных. Их колядки также были насыщены образами христианских святых. Так, в одной из колядок («Вышла Мария из монастыря») речь шла о деве Марии, Христе и Иоанне Крестителе¹², в другой Господь приказывал трем вдовам беречь сады виноградные¹³. Зафиксирована и колядка с широко известным в украинском и белорусском фольклоре мотивом «Бог и святые участвуют в полевых работах»: «Во поле, поле плужочек ходэ, за плужочком сам господь ходэ», а дева Мария носит ему «йисты» и просит:

«Уроди, боже, во поле зерна!
Во поле зерна, во доме добра!»¹⁴

Заключительная формула («Он туда махнет — там жито растет») напоминает более архаический образ козы, влиявшей на плодородие («Где коза ходит, там жито родит») и т. п.¹⁵.

На Рождество устраивали ряжения в козу и лошадь¹⁶. Козу обычно изображал парень, одетый в тулуп. Калядующие с козой пели:

«Го, го, го, коза!
Го, го, го, сира!
Де рога дила?
— На соль проила.
Дайте козе сала,
Чтоб коза встала,
Кусочек сала билого,
Чтоб коза побигла».

Парень в тулупе падал, и песня продолжалась как бы в ответ на слова: «Что, коза, упала? — Дайте козе сала...»¹⁷.

В старообрядческих станицах (Червленая) в роли поздравителей выступали не только дети, но и взрослые. Детей обязательно одаривали орехами, конфетами, пряниками, деньгами. Отпустить поздравителей без даров считалось тяжким грехом. Молодежь колядовала под окнами и в доме. Калядующих могли пригласить и за стол, особенно, если это были дети¹⁸.

Следует отметить, что наиболее архаичные формы колядок (у православных и «щедровок») содержали требования угощения:

«Коляд, коляд, колядница,
С добрым маком поляница,
А без мака не така.
Дай, баба, пятака!...»¹⁹

«Вышла баронесса
Из новых сенеп.
Соломку сечет,
Блинчики печет,
Наставил рожок:
„Дайте пирожок“».

«Щедрик-ведрик,
Дайте вареник»²⁰ и т. п.

Под Рождество ходили со звездой, сделанной из цветной бумаги, с пением молитвы «Христос рождается» на церковнославянском языке. Параллельно существовал обычай петь «Леску», распространенный только у казаков-староверов. «Леска» — это колядка со специфическим зачином: «В леску, леску, на желтом песку». В этой колядке разработан мотив сокола, который сидит на дереве и видит в синем море корабль, на котором девица «шириночку ткет, рубашечку шьет» своему жениху (приводится имя). Подробно описан образ дерева:

«На леску, леску, да,
На желтом песку,
Святой вечер, святой вечер!
Стоит дерева, да,
Тонка, высока,
Корнем глубока.
Корнем глубока,
Листом широка.
На той дереве
Сам сокол сидит...»²¹.

Связь «Лески» со свадебной обрядностью очевидна. Об этом говорит и анализ более ранних ее вариантов. В ст-це Старогладковской в начале века был записан текст, в котором рассказывается, что девица шириночку (широкое полотенце) шьет не для жениха, а для брата, который должен убить сокола-жениха, сидящего на дереве²². По другому варианту (из ст-цы Наурской) в кораблях сидят свекор-батюшка, свекровь-матушка и жених²³. Мотив девицы (или молодца) на корабле широко распространен в песенном фольклоре гребенцов. Образ сокола на вершине дерева встречается в украинских и польских колядках, где сокол приносит «красную панну» как добычу для своего хозяина, что придает польским колядкам оттенок брачных пожеланий²⁴. Гребенская «Леска» почти дословно совпадает с галицкими и угорскими колядками, что позволило В. Г. Чеботаревой сделать вывод об их общем источнике²⁵. Указанный мотив («птица на вершине дерева») восходит к древнейшим индоевропейским представлениям, и в связи с этим гребенская колядка может служить примером сохранения архаического сюжета.

Если рассматривать «Леску» в системе святочных обрядовых действий-предсказаний, гаданий о судьбе, пожеланий благополучия, то ее смысл будет отличаться от свадебных величаний, сближаясь скорее с заговором, заклинанием. «Припевая» жениха к невесте силой магического слова, исполненного в «Святой вечер», колядующие желаемое будущее передавали как реальное настоящее, сулили скорый брак.

В станицах с преобладающим православным населением после первого приема

колядующих все шли в церковь и на благовест. По окончании обедни вновь продолжались поздравления, в которых принимали участие местные музыканты и церковный хор. Их также угощали, давали деньги. На Рождество устраивали народные гуляния, катания на тройках, вечера, где молодежь танцевала и веселилась. В домах пекли блины и пироги ²⁶.

Новогодние празднества в станицах сопровождалось определенными обрядовыми действиями. Перед Новым годом старались расплатиться со всеми долгами, возвращали чужие вещи, брали свои, тщательно убирали дом ²⁷.

Вечер накануне Нового года назывался щедрым. В гребенских станицах под Новый год пелись «щедровки», молодежь ходила «щедровать», или, как говорили местные жители, «кричать Святой вечер». У каждого было по мешочку хлебных семян. При словах «Щедры, ведры, щедрый вечер, добрый вечер» или «Сею, вею, посеваю, с Новым годом поздравляю! Уродися, боже, на всякую долю и горох, и чечевица, и пшеница» молодые рассыпали в доме овес, просо, рожь, ячмень, пшеницу. Щедрующим давали вина (если они приходили с ведрами), пирогов, конфет, орехов, денег и т. п. В день Нового года в комнатах «воскурjali» ладан, молились, накрывали стол ²⁸.

Святки заканчивались днем Крещения Господня. Все спешили в церковь, чтобы посмотреть на торжество водоосвящения и взять святой воды, которая в дальнейшем использовалась как лечебное средство. К празднику также варили кутью из пшеницы ²⁹.

Со священником ходили и на Терек, где он три раза окунал в воду крест, после чего освященную теречную воду набирали в посуду и уносили домой. Кто давал обет или болел, сам окунался в реку три раза ³⁰.

Крещение считалось в станицах последним большим зимним праздником, поворотом к весне. У гребенцов даже существовала пословица: «Крещение пройдет — цыган шубу продаст» ³¹.

Таким образом, заключительный момент святок — Крещение также сохранил древние представления, связанные с верой в очистительную, лечебную силу воды.

Согласно давней традиции, зимой станичная молодежь снимала комнату у какой-нибудь вдовы, одинокой женщины. Девушки приходили сюда прясть, шить, вязать, пели песни. Затем подходили и парни. Начинались танцы, игры, веселье. Таким образом, эти дома служили местом встреч и знакомств неженатой молодежи. В святочные вечера на таких «сиденках» не работали. Они были по-настоящему праздничными ³².

К святкам были приурочены различные гадания. Они мало чем отличались от общеславянских и были связаны с предсказанием судьбы. При совпадении средств гадания — предмета, с которым производилось действие, — варьировались способы гадания, объяснения результата. Например, в Гребенской гадали по колышкам в заборе: «Вот загадаем, что, мол, шестой али семьей колушек — мой. Ну, если он ровный да целый — муж справный, а коли с надставкой — за вдовца пойдешь». И по баранам гадали: «Если баран лохматый, то муж будет богатый, а если худой да облезлый — то бедный» ³³. Если девушка приносила домой парные дрова — то в этом году ей замуж. Закидывали и чувяк. Куда носок покажет — оттуда и жених будет ³⁴. Под Новый год снимали курицу с насеста. Если закудахчет в руках — свекровь у девушки будет злая и ворчливая. В полночь ставили на стол зеркало, чашу с водой, рассыпали угольки, пшеницу и выпускали петуха. Если петух подойдет к зеркалу — жених будет щеголем, если напьется воды — пьяницей, поклюет зерна — богатым, а если угольков — бедным ³⁵.

Приурочивание гаданий именно к святкам было не случайным. Это были переломные дни, когда смешивались времена, будущее становилось настоящим. На это время приходились попытки не только узнать свою судьбу, но и повлиять на будущее — магия «первого дня».

К магии «первого дня» относились не только гадания, но и обычаи расплачиваться с долгами, возвращать чужие вещи, забирать свои. В этом была заложена идея: каким будет первый день (начало) года, таким будет и весь год.

Дохристианские святки не случайно отмечались 12 дней: считается, что каждый день означал месяц года³⁶. В Древней Руси до XIII в. сохранялась традиция выкликать первый день каждого месяца³⁷. На наш взгляд, как отражение этого следует рассматривать сохранившийся у казаков обычай «кричать Святой вечер», т. е. выкликать Новый Год.

Приметы и гадания этого периода были призваны помочь земледельцу узнать, каким будет год в целом (урожайным, благополучным или нет, какая погода будет в предстоящие сезоны). Гадали о будущем семьи и каждого ее члена. Девушки гадали о замужестве. Этот вид гадания наиболее хорошо сохранился на Тереке. Как и у других народов, его цель была дать ответ на такие вопросы, как: выйдет ли девушка замуж в настоящем году? Кто будет суженым? С какой стороны он явится? Будет богатым или бедным? и т. п.

Весь комплекс обрядов и обрядового фольклора казачьих святок позволяет квалифицировать их как аграрное празднество. Об этом свидетельствуют содержание колядок и щедрок (с пожеланиями урожая), обрядовая пища (пирог, блины и т. п.), дары колядующим (сладости, мучные изделия), рассыпание в домах зерен, что должно было вызвать богатство и изобилие³⁸, ряжение в коня, козу. Последнее сближает терскую обрядность с центральнорусской³⁹.

В обряде колядования у казаков сохранилась наиболее древняя форма одаривания: требование даров и коллективное их получение. Это пережиток норм уравнительного распределения, характерного для первобытного общества.

Зимние святки сохранили и другую группу древних обычаев, относящихся к почитанию умерших родственников. Их поминали (на Рождество), варили кутью — обязательное поминальное блюдо (на Рождество, Крещение), воскурjali в домах ладан (на Новый год). Поминание покойников, будто бы могущих оказать влияние на будущий урожай, также было связано с земледельческим культом⁴⁰. С. А. Токарев считал, что в поминальных обрядах отразилось и желание членов семьи сделать умерших участниками семейной праздничной трапезы, почтить их память, а ранее, видимо, умиловать мертвых, чтобы они не вредили, а помогали живым⁴¹. Таким образом, святки у терцев сохранили многие архаические воззрения и культы.

Промежуточное положение между зимними и весенними праздниками занимала Масленица. Время ее проведения приходилось в основном на февраль, однако обрядовые действия имели явно выраженную «весеннюю» направленность. К примеру, в ст-це Гребенской вокруг сох в сараях танцевали лезгинку и приготавливали: «Соха, соха, выходи»⁴².

На Тереке сложился своеобразный тип масленичного празднества, отличный от среднерусско-поволжского и лишь в некоторых чертах близкий северному. В конце XIX — начале XX в. Масленица оставалась одним из самых почитаемых народных праздников. Ее наступление встречали стрельбой, причем стреляли и стар, и млад. Во всех домах (а также в складчину) пекли блины, в ст-це Червленной — «бурсаки»⁴³. В масленичную неделю, если зима была снежная, ездили на санях (в основном молодожены), рядились (например, в медведя)⁴⁴. Ряженные могли заезжать в любой двор и брать, что понравится. Везде были слышны шум, смех, веселье.

На Масленицу устраивали скачки, во время которых всадник должен был сам заработать приз, т. е. на всем скаку поднять с земли деньги, табак, кусок ситца и пр., которые для этой цели специально выделяли местные лавочники. Устраивались и джигитовки: всадники на скачущих лошадях выполняли различные упражнения⁴⁵.

У дворов зажиточных казаков ставили столы. На общинные деньги покупали быков, резали их. Каждый приносил вина сколько мог. Здесь гуляли «сотнями», зывали и прохожих⁴⁶.

Масленицу на Тереке сопровождал обряд, известный под названием «держать и брать города». Он совершался в гребенских и терских низовых станицах; либо в них самих (Бороздинская), либо где-нибудь в поле на возвышенном месте (Черв-

леная)⁴⁷. Судя по названию, обряд имеет связь со взятием «снежного городка» на Масленицу у уральских казаков, а также в Пензенской и Симбирской губерниях⁴⁸.

У гребенцов «братъ город» означало следующее. Казаки на лошадях должны были прорваться сквозь строй девушек, которые стояли на скамьях или на возвышенности и, вооружившись длинными прутьями-палками, били казаков. При этом последние часто просили: «Нас бейте, только коней не надо!». Начало игры сопровождалось пением девушек. Обычно песня была о неразделенной любви. После каждой отбитой атаки песня возобновлялась:

«Ты кручинушка, кручинушка моя,
Ты кручинушка — несносная тоска!
Никому свою кручину не скажу,
На ретивом на сердечке скороню.
Под окошком сиротинушкой сiju,
Сквозь стеколушко на милого гляжу:
Уж ты миленький, пригоженький ты мой,
Уж ты миленький — лазоревый цветок!
Ты когда-то хаживал ко мне,
Ты и хаживал и любилвал меня,
А теперь не стал ко мне ходить,
Перестал ходить, не стал меня любить»⁴⁹.

Все жители станиц становились соучастниками праздника. На Масленицу атаки «на города» продолжались несколько дней и каждый день по нескольку раз, так как девушки сопротивлялись самым серьезным образом, били «в кровь». «Город» считался взятым, если всаднику удавалось дотронуться до девушки. В одних случаях она должна была поцеловать победителя, в других всадник имел право перецеловать всех девушек, что, однако, было практически недостижимо⁵⁰. Войсковые власти поддерживали этот обряд, который, по их мнению, развивал в казаках удаль и отвагу.

Характер описанной игры-обряда показывает его связь с предбрачными отношениями. Можно провести параллель между игрой, сохранившейся у гребенцов, и древними обрядами, способствующими брачному союзам⁵¹. Об этом свидетельствует и древнее название февраля — «свадебник», известное по летописям, а также сообщения информаторов о сроках свадеб: «Осенью засватают, до зимы девки засватанные сидят. После Рождества на мясоед начинаются свадьбы»⁵².

Существует, по-видимому, связь и между игрой «взятие города» и элементом свадебной игры, когда жених приезжает за невестой и оказывается перед закрытыми воротами, которые нужно взять приступом или выкупить. Сходство игры уральских и гребенских казаков (во время бесснежных Маслениц первые делали «города» из тоненьких шестиков или просто из хворостин, связывая верхние концы вместе, гребенцы же держали хворостины в руках)⁵³ позволяет отнести ее не к XVIII в., а по крайней мере к XVI столетию — времени появления казаков на Урале и Тереке.

Завершающим обрядом масленичной недели было хождение в гости, называвшееся «просить друг у друга прощения»⁵⁴. Оно начиналось в воскресенье к вечеру и продолжалось всю ночь. Родные, младшие шли в дом к старшим, зять — к тещу и теще, внуки — к деду. Посидев, младшие молились Богу и кланялись старшим в ноги, чтобы те простили их, затем целовались. Старшие отвечали: «Господь простит, нас простите, Христа ради». В конце «прощения» младшим раздавали орехи⁵⁵. По объяснению П. А. Вострикова, в этот день примирения и всепрощения шли к ближним и врагам и просили прощения, чтобы с облегченным сердцем приступить к говению в Великий пост⁵⁶. По сведениям старожилов, Масленица отмечалась еще перед войной⁵⁷.

При анализе масленичной обрядности на Тереке бросается в глаза отсутствие проводов (сожжения, растерзания, потопления) чучела «масленицы», «костро-

мы» и т. п., так хорошо известных славянской этнографии. Вместо этого у терцев происходило «взятие городов». По мнению ряда исследователей, в подобной борьбе двух партий также отразился мотив космической борьбы между зимой и летом⁵⁸. Возможно, игра связана с освоением окраин России — Приуралья, Сибири, Северного Кавказа. С течением времени ее смысловое значение было забыто, и она стала просто праздничным развлечением, весьма подходящим под военизированный быт казачества.

В терском варианте Масленицы сохранились черты некогда существовавшего культа предков. Ритуальный характер имело закрепление родственных связей в результате ежегодного посещения прежде всего старших родственников, одаривания. Преобладающим предметом одаривания в конце XIX — начале XX в. стали орехи (хотя в прошлом, как свидетельствуют данные русской этнографии, пищевые дары были гораздо разнообразнее и включали широкий ассортимент мучных изделий). Орехи же у многих народов ассоциировались с изобилием и, таким образом, такой дар должен был увеличить и урожай, и достаток семьи⁵⁹. Отсутствие же мучных изделий, возможно, свидетельствует и об утрате гребенцами многих земледельческих (зерновых) традиций. Ведь они специализировались в основном на виноградарстве.

Масленичная стрельба (как и шум, стук), по народным представлениям, отгоняла злые силы и тем самым способствовала плодородию⁶⁰. Такое своеобразное проявление шума, по-видимому, было заимствовано у местных горцев⁶¹. То же самое можно сказать о скачках, джигитовках, которые придавали празднествам неповторимый колорит. Некоторые названия обрядовых кушаний перешли к казакам от соседних тюркских народов⁶².

Если в зимних праздниках на первый план выступала семейно-бытовая обрядность, то в Масленице и последующих весенних празднествах главную роль играли общинные традиции. Поскольку жизненные интересы общины были связаны с демографической ситуацией, безоговорочно осуждалось нежелание или неумение вступать в брак⁶³. На Масленицу в ст-це Наурской «кумушки»-родственницы ходили к отцам, у которых были взрослые парни и девушки («на выданье»), не вышедшие замуж в истекшем году. Отцу вешали на ногу деревянную колодку. Он делал вид, что теперь не может ходить, просил ее снять. Кумушки требовали выкуп. И дело обычно заканчивалось застольем. Подобные обычаи были известны многим народам⁶⁴. Отсюда и наличие в масленичных обрядах эротических элементов, например целование девушек после взятия «городов», исполнение свадебных песен. Причем «взятие» города как раз и осуществлялось там, где встречались симпатизировавшие друг другу парень и девушка⁶⁵. И в целом праздничные гуляния, посещения родных, знакомых, катание на лошадях, игры и пр., сам повышенный эмоциональный фон способствовали знакомству молодежи, возникновению определенных симпатий и любви.

Приведенные календарные обычаи и обряды запечатлели тот исторический период, когда сфера семейно-брачных отношений отнюдь не считалась частным делом заинтересованных лиц⁶⁶. Другой масленичный обычай — «просить прощения» в далеком прошлом, по-видимому, отражал ощущение перемен в природе (наступление нового сезона). И в этот новый период люди должны были вступить также обновленными.

Собственно весенним праздником на Тереке была Пасха. Помимо Рождества и Масленицы в конце XIX — начале XX в. она была одним из наиболее почитаемых праздников. В христианстве — это центральное торжество, связанное с евангельским преданием о воскресении Христа. Однако и в праздновании Пасхи на Тереке сохранились пережитки древних славянских верований. И здесь у каждой группы населения наблюдались свои особенности.

Под Пасху в казачьих семьях устраивали поминание покойников с круговой чашей (чапуркой), причем первый глоток выливался на стол. Этот поминальный обычай — отголосок «кормления» умерших, которые должны позаботиться о будущем урожае.

На Тереке, как и в других местах, «праздник праздников» начинался с посещения церкви. Выходя из нее, все поздравляли друг друга, шли домой разговесты после длительного поста. К Пасхе обязательно пекли куличи, красили яйца, запасались новой одеждой. Яйца затем освящали в церкви⁶⁷. После обеда жители селений выходили на улицу, везде слышались возгласы «Христос воскрес». В каждом дворе, на площади устраивали качели. Кто-либо из станичников-умельцев делал и карусели: колесо от арбы насаживалось на ось, к нему подвешивались «люльки» — получалась карусель. Колесо по очереди крутили дети, подростки. Каждый катающийся давал устройтелю крашеное яйцо. За праздник таких даров набиралось несколько ведер⁶⁸.

С Пасхи начинали «водить» хороводы. На Тереке хоровод приобрел свою специфику: девушки и парни становились в круг. Кто-то играл на гармонике, бил в медный таз, а пары по очереди танцевали лезгинку.

Гребенцы играли в лапту, горелки, другие игры. Проигравшие катали победителей на себе, переноса их через улицу, — на потеху станичникам. Гулянья устраивали на самой широкой улице⁶⁹.

Второй день Пасхи был особенно шумным. Тех, кто не был в церкви, обливали у колодца холодной водой. В ст-це Бороздинской этот обычай принесли с собой первые поселенцы⁷⁰.

Согласно другому обычаю, существовавшему на Тереке, пасхальное крашеное яйцо (как семейный талисман?) хранили в каждом доме в течение года⁷¹. Современные информаторы уже не знают значения этого обычая. В аналогичных случаях пасхальные яйца хранились с лечебными целями, а также использовались для поминальных надобностей.

Таким образом, пасхальная обрядность также была наполнена земледельческой символикой. В частности, обливание водой известно в этнографии как магический обряд вызывания дождя, ритуального очищения⁷². Древним обрядом было и катание на качелях. Ряд исследователей связывает его с семейно-брачной магией, другие рассматривают как средство отпугивания злых сил⁷³.

Одним из самых ярких праздников на Тереке была Троица. Она приходилась на период полного расцвета природы, перехода весны в лето. В гребенских станицах этот праздник широко отмечался старообрядцами, а православные, кроме посещения церкви, почти ничем его не отмечали⁷⁴.

Троицу праздновали три дня. Молодые — в домах, старые на площади или улице стелили «парус» и пировали в складчину. Каждый приносил закуски, вино, яйца, из которых тут же готовили яичницу. Веселье, песни, пляски, стрельба продолжались до утра⁷⁵.

На Тереке бытовал обычай вить («завивать») венки на Троицу. Девушки с песнями бросали их в воду и гадали: потонет или нет. Сюжет троицких песен, как и повсюду, был о любви, о неверности любимого, о милом, который служит «во матушке во Россеюшке»:

«В саду девушки гуляли,
Со травы цветочки рвали,
Веночки плели,
Всякая себе.
На венках они гадали,
Венки в воду побросали,
Чей веночек всплывет,
Ту и милый вспомнит.
Девка росту небольшого
Громким голосом кричит:
„Мой веночек тонет-тонет,
Мое сердце болит-ноет,
Мой веночек потонул,
Меня милый обманул“».

«...Я сорву со травушки цветок,
На головушку совью себе венок;
Выйду я на Терек, на песок,
И спущу с головушки венок.
Тонет ли, не тонет мой венок?
Тужит ли, не тужит мой дружок
На чужой далекой стороне,
Во матушке во каменной Москве,
Во матушке во Россеюшке?
Стал по Тереку веночек мой всплывать,
Стал меня мой милый вспоминать,
Во матушке во каменной Москве,
Во матушке во Россеюшке»⁷⁶.

Самый большой и красивый венок помещали на «корабль» и пускали по воде. Обряд пускания «кораблей» по Тереку заслуживает особого внимания.

Троицкий «корабль» строили специально. В ст-це Курдюковской он представлял собой трехметровую лодку, окрашенную в красный цвет (*каюк*)⁷⁷, в Червленной — маленькую модель корабля с мачтами и снастями⁷⁸. В Гребенской это было четырехугольное сооружение, «как стол», или просто доска. По углам сбивались четыре «стрелки», пятая — самая высокая — посередине, на нее надевали венок. На корабль помещали кукол в казачьих костюмах (казачка́ и казачку, иногда только казака); для них накрывали на корабле стол с питьем и едой — жареным воробьем (или куском курицы), яичницей; иногда ставили и вино в маленькой бутылочке. Корабль украшали лентами, лоскутами и с песнями несли по станице к воде — к озерам, но чаще к Тереку. Шествие сопровождалось песней «Как по морю было, по морюшку» о червон-корабличке, который непогода заносила во иную землю, где царит-королует девушка Маринушка (Марина Кайдаровна)⁷⁹.

После того как «корабль» спускали на воду, в него начинали стрелять, стараясь попасть в кукол, в стрелку или венок, чтобы потопить его. Дети выхватывали из воды остатки «корабля», ленты, лоскуты и делили между собой. В таком виде обряд сохранился только на Тереке, в общерусской Троице ничего подобного нет, хотя отдельные элементы имеют параллели в других обрядах (культ воробья характерен для Поволжья; жертвы морю, темы сватства близки новгородским; «корабль» на Масленицу строили в Сибири и др.)⁸⁰.

Песни, сопровождавшие обряд пускания «кораблей», исполняли и на свадьбах. Например, в ст-це Старогладковской пели «Селезень, мой селезень» (селезень невеселый: утица подстрелена; молодец невеселый: девица просватана за другого)⁸¹.

Рассматривая обряд пускания «кораблей» в совокупности его элементов, можно сделать следующие выводы. Во-первых, в нем содержатся рудименты обряда жертвоприношений — воде или предкам, так как путь к последним лежал по воде. Об этом свидетельствуют «стол» на «корабле» (воробей-курица, яичница, вино как поминальная еда), куклы казака и казачки как замена живых людей. Во-вторых, этот обряд имел форму ритуального отправления на «тот свет» через потопление, о чем свидетельствуют древние формы похоронного славянского обряда в ладье, а также ленты и лоскуты на корабле как замена полотенца — символа пути в загробный мир. И в-третьих, обряд пускания кораблей имел несомненную связь со свадебным обрядом, на которую указывают характер сопровождавших его песен (мотив увоза девицы на «корабле»), их свадебные функции, а также древность обычая совершения браков у воды.

Наши выводы основаны на символике элементов обряда и на аналогичных обрядах, совершавшихся в других областях, например обряде Марены: у украинцев так называлось купальское дерево, которое символизировало девичью красоту. Мара, Марена обозначало также смерть⁸². По-видимому, имя Марины из

песни «Как ни по морю» следует связывать не только с историческими прототипами, как это обычно делается, но и с его обрядовым смыслом.

Таким образом, «пускание кораблей» в конце XIX — начале XX в. представляло собой сочетание разнохарактерных обрядов. Интересен и вариант, существовавший в ст-це Гребенской. Здесь «корабль» с чучелом проносили по станице и из каждого дома в него бросали с криком и шумом гнилые овощи, тухлые яйца, больных или дохлых кур. «Корабль» спускали на воду, отгоняли подальше от берега и потопляли, стреляя в него.

«Да вон наперед кораб бежит,
Да вон наперед кораб бежит,
Да вон стучит-гремит,
Да вон по-звериному,
Ой, да по-звериному етот червон кораб,
Сопит по-змеиному, сопит по-змеиному»⁸³.

Подобный символ (своеобразный «козел отпущения») мог означать изгнание злых сил, смерти.

«Корабельная» тематика в фольклоре и обрядах гребенцов, по-видимому, не случайна и заставляет вспомнить гипотезу о новгородских ушкуйниках, отправлявшихся на своих стругах в дальние плавания. Тем более, что в говоре гребенцов четко прослеживаются элементы севернорусского диалекта⁸⁴.

Локальной отличительной чертой празднования Троицы на Тереке было почитание дуба, а не березы или другого дерева, в качестве основного троического растения. В Гребенской сохранялся архаический обряд «кормления» дуба, в других станицах к дубам ходили завивать венки. На Троицу дубовыми ветками украшали калитки, входные двери, вносили их в комнаты, бросали в костер, который зажигали во дворах и др. Заслуживает внимания, что почитание дуба у гребенцов во многом совпадает с аналогичными обрядами южных славян⁸⁵. И в том и в другом случаях они совершались с целью приобщения людей к вегетативной силе дерева, зелени.

На третий день Троицы в ст-це Наурской девушки рядились в ветки дуба, цветы, венки⁸⁶. Иногда их процессию сопровождал мальчик. Ему на голову надевали войлочный колпак с войлочными рогами, делали бороду из конопли или конских волос, лицо мазали сажей, на спине сооружали горб. Он должен был отгонять любопытных⁸⁷. В прошлом этот обряд, близкий по смыслу южнославянским, выполнял апотропеические функции, был связан с магией плодородия, оповещал о приходе весны.

Сохранился на Тереке и обряд кумления девушек, которые целовались через венки, называли друг друга «кумой». По мнению В. Я. Проппа, этот архаический обряд символизировал приобщение женщин к рождающей силе земли, подготовку к материнству⁸⁸. Исследователи южнославянской этнографии считают, что в его основе лежали обряды женских инициаций, освещавшие переход девочек в группу девушек, которые уже могли вступать в брак⁸⁹.

Календарная обрядность терских казаков при всей неповторимости отдельных ее структур является составной частью общерусского (и шире — славянского) традиционного аграрного календаря. В то же время тесное многовековое соседство с народами Кавказа, как и соответствующие условия среды обитания, формы хозяйствования и возделывания сельскохозяйственных культур, оказало свое влияние на многие стороны в проведении календарных праздников. В первую очередь следует назвать обрядовую пищу, праздничную одежду, художественное оформление праздников — музыку и музыкальные инструменты, танцы, скачки, джигитовку, ружейную пальбу (хотя она широко была представлена и в общерусском комплексе обрядов) и др.

В конце XIX — начале XX в. календарные праздники у терских казаков были важным компонентом их общественной жизни и традиционной духовной культу-

ры. Благодаря локальному характеру празднования, календарный цикл терских казаков сохранил такие ритуальные структуры, которые в других местах России уже не поддаются реконструкции или, если и реконструируются, то вызывают вопросы о традиционности, исконности того или иного образа, действующего в ритуале. Например, в пошехонском с. Белом в прошлом, по рассказам старожилов, на Троицу непременно строили плот, его украшали троицкими венками и зелеными ветками, затем устанавливали на нем скамьи, сажали балалаечника и гармониста, которые под свой аккомпанемент пели песни. Без соответствующего материала понять корни этого обычая довольно трудно, настолько он трансформирован. Вероятно, ритуальное троицкое действо «пускания кораблей» терских казаков и пошехонский троицкий плот представляют собой типологически единую линию развития, на одном (начальном) конце которого — ритуал, а на другом (конечном) — зрелище и развлечение.

Сейчас в России, на исходе XX в., мы еще имеем реальную возможность наблюдать живую, а не музейную этнографию. Однако таких этнографических анклавов становится все меньше и меньше. Огромной мощи социальная катастрофа потрясла и места проживания терских казаков. А это значит, что с лица земли в ближайшем будущем могут оказаться стертые и традиционные структуры, питавшие духовные корни русских станичников, несколько столетий назад поселившихся по берегам Терека. Тем ббльшую ценность представляют материалы, собранные среди казаков в наше время.

Примечания

- ¹ Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы (конец XIX — начало XX в.). Весенние праздники. М., 1977. С. 8; Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 20—21.
- ² Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни... С. 212—213.
- ³ Велецкая Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978. С. 16.
- ⁴ Заседателева Л. Б. Терские казаки. М., 1974. С. 187.
- ⁵ Там же. С. 199—200.
- ⁶ Там же. С. 210—215.
- ⁷ Востриков П. А. Станица Наурская // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (далее — СМОМПК). Вып. 33. Тифлис, 1904; *его же*. Поверья, приметы и суеверные обычаи наурцев // СМОМПК. Вып. 37. Тифлис, 1907; Бутова Е. Станица Бороздинская // СМОМПК. Вып. 7. Тифлис, 1889; Ткачев Г. А. Станица Червленная // Сборник общества любителей казачьей старины (далее — СОЛКС). № 7—12. Владикавказ, 1912; Пятирублев В. Песни, поющиеся в станице Наурской // СМОМПК. Вып. 15. Тифлис, 1893; Ржевуский А. Терцы. Владикавказ, 1888.
- ⁸ Чеботарева В. Г. Календарный обряд и календарная обрядовая поэзия казаков Терека // Некоторые вопросы русской и вайнахской филологии. Сер. филолог. № 37. Вып. 17. Грозный, 1972. С. 81.
- ⁹ Чеботарева В. Г. Указ. раб.
- ¹⁰ Там же. С. 87—88.
- ¹¹ Там же. С. 88.
- ¹² Информатор Нарожнова Пелагея Ефремовна. 1882 г. р. Станица (далее — Ст.) Гребенская.
- ¹³ Информатор Трегубова Мария Георгиевна, 1903 г. р. Ст. Новоцедринская.
- ¹⁴ Информатор Бобрусова Александра Никитовна. 1922 г. р. Ст. Старогладковская.
- ¹⁵ См.: Календарно-обрядовая поэзия сибиряков. Новосибирск, 1981. № 3—9.
- ¹⁶ Востриков П. А. Станица Наурская... С. 278.
- ¹⁷ Информатор Уманцева Дарья Захаровна. 1901 г. р. Ст. Гребенская.
- ¹⁸ Информаторы: Никитина Клавдия Ивановна. 1914 г. р., Денискин Иван Акимович. 1908 г. р. Ст. Червленная; Крылевская Мария Гравриловна. 1914 г. р. Ст. Староцедринская.
- ¹⁹ Чеботарева В. Г. Указ. раб. С. 115; Информаторы: Уманцева Надежда Герасимовна. 1904 г. р., Бондаренко Пелагея Ивановна. 1908 г. р. Ст. Гребенская.
- ²⁰ Чеботарева В. Г. Указ. раб. С. 84.
- ²¹ Информатор Лиманова Александра Иосифовна. 1901 г. р. Ст. Гребенская.
- ²² Ткачев Г. А. Гребенские, терские и кизлярские казаки. Владикавказ, 1911. С. 174.
- ²³ Чеботарева В. Г. Указ. раб. С. 92.
- ²⁴ Виноградова Л. Н. Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян: генезис и типология колядования. М., 1982. С. 102.
- ²⁵ Чеботарева В. Г. Указ. раб. С. 92.
- ²⁶ Востриков П. А. Станица Наурская... С. 278.

- 27 Там же. С. 279; Информатор Молоченкова Феодосия Михайловна. 1916 г. р. Ст. Червленая.
- 28 *Востриков П. А.* Станица Наурская... С. 280; *Бутова Е.* Указ. раб. С. 39; *Чеботарева В. Г.* Указ. раб. С. 84, 86; Информатор Молоченкова Феодосия Михайловна. 1916 г. р. Ст. Червленая.
- 29 *Востриков П. А.* Станица Наурская... С. 280; *Бутова Е.* Указ. раб. С. 10.
- 30 Информаторы: *Кучукова Варвара Васильевна.* 1922 г. р., *Тихонов Николай Васильевич.* 1908 г. р., *Круглова Екатерина Васильевна.* 1906 г. р. Ст. Червленая.
- 31 Информатор *Никитина Клавдия Ивановна.* 1914 г. р. Ст. Червленая.
- 32 *Чеботарева В. Г.* Указ. раб. С. 84—85.
- 33 Информатор *Уманцева Дарья Захаровна.* 1901 г. р. Ст. Гребенская.
- 34 Информатор *Круглова Екатерина Васильевна.* 1906 г. р. Ст. Червленая.
- 35 *Чеботарева В. Г.* Указ. раб. С. 85.
- 36 Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни... С. 60.
- 37 *Чеботарева В. Г.* Указ. раб. С. 89.
- 38 *Чичеров В. И.* Зимний период русского народного земледельческого календаря. М., 1957. С. 80.
- 39 *Носова Г. А.* Язычество в православии. М., 1975. С. 46—47.
- 40 *Пропп В. Я.* Русские аграрные праздники. Л., 1963. С. 18, 22.
- 41 Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни... С. 201.
- 42 Информатор *Докторова Мария Фоковна.* 1901 г. р. Ст. Гребенская.
- 43 *Бутова Е.* Указ. раб. С. 9; Информатор *Дмитриева Анна Васильевна.* 1930 г. р. Ст. Червленая.
- 44 *Чеботарева В. Г.* Указ. раб. С. 86.
- 45 Информатор *Молоченков Иван Федорович.* 1913 г. р. Ст. Червленая.
- 46 *Ржевуский А.* Указ. раб. С. 229.
- 47 *Бутова Е.* Указ. раб. С. 39; *Ткачев Г. А.* Указ. раб. С. 129.
- 48 *Снегирев И.* Русские простонародные праздники. Вып. 2. М., 1838; С. 133; *Соколова В. К.* Весенне-летняя календарная обрядность русских, украинцев и белорусов. М., 1979. С. 50—52.
- 49 *Ржевуский А.* Указ. раб. С. 226, 264.
- 50 *Ткачев Г. А.* Указ. раб. С. 129; *Ржевуский А.* Указ. раб. С. 228.
- 51 *Миллер В. Ф.* Русская Масленица и западноевропейский карнавал. СПб., 1884; *Аникин В. Н.* Календарная и свадебная поэзия. М., 1970.
- 52 Информатор *Смирнова Анна Фоковна,* 1879 г. р. Ст. Гребенская.
- 53 *Железнов И. И.* Уральцы. Очерки быта уральских казаков. Т. 2. СПб., 1888. С. 24, 379.
- 54 *Бутова Е.* Указ. раб. С. 39.
- 55 *Ржевуский А.* Указ. раб. С. 230.
- 56 *Востриков П. А.* Поверья, приметы и суеверные обычаи наурцев... С. 41.
- 57 Информатор *Дмитриев Алексей Иванович.* 1919 г. р. Ст. Червленая.
- 58 Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы... Весенние праздники... С. 342.
- 59 Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни... С. 164.
- 60 Там же. С. 182.
- 61 *Хасбулатова З. И.* Семейные обряды чеченцев и ингушей в конце XIX — начале XX в. // Семейно-бытовая обрядность вайнахов. Грозный, 1982. С. 30.
- 62 *Гаджиева С. Ш.* Материальная культура ногайцев в XIX — начале XX в. М., 1976. С. 201.
- 63 Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни... С. 101.
- 64 Там же. С. 102.
- 65 *Ткачев Г. А.* Указ. раб. С. 130.
- 66 Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни... С. 101.
- 67 *Востриков П. А.* Указ. раб. С. 275—276; *Бутова Е.* Указ. раб. С. 10.
- 68 Информаторы: *Круглова Екатерина Васильевна.* 1906 г. р., *Дмитриев Алексей Иванович.* 1919 г. р. Ст. Червленая.
- 69 Информаторы: *Дмитриева Анна Васильевна.* 1930 г. р., *Дмитриев Алексей Иванович.* 1919 г. р. Ст. Червленая.
- 70 *Бутова Е.* Указ. раб. С. 41.
- 71 Информаторы: *Молоченкова Феодосия Михайловна.* 1916 г. р., *Круглова Екатерина Васильевна.* 1906 г. р. Ст. Червленая.
- 72 Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни... С. 136—138.
- 73 Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы... Весенние праздники... С. 249, 318, 331—332; Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни... С. 81.
- 74 Информатор *Уманцева Анна Ивановна.* 1912 г. р. Ст. Гребенская.
- 75 *Бутова Е.* Указ. раб. С. 41; информатор *Круглова Екатерина Васильевна.* 1906 г. р. Ст. Червленая.
- 76 *Ржевуский А.* Указ. раб. С. 263—264.
- 77 *Чеботарева В. Г.* Указ. раб. С. 104.
- 78 *Малаякин Г.* Станица Червленая // Этнографическое обозрение. 1891. № 1. С. 115.
- 79 Информатор *Иванова Евдокия Ивановна.* 1863 г. р. Ст. Гребенская.
- 80 *Чеботарева В. Г.* Указ. раб. С. 99—103; *Тульцева Л. А.* Символика ворожба в обрядах и обрядовом фольклоре // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 163—179.
- 81 Информаторы: *Лютюва Анфиса Фроловна.* 1929 г. р., *Кубинева Анна Андреевна.* 1929 г. р. Ст. Старогладковская.
- 82 *Курочкин А. В.* Растительная символика календарной обрядности украинцев // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 155.

⁸³ Чеботарева В. Г. Указ. раб. С. 106.

⁸⁴ Там же. С. 103; Бенская Э. Я. Средневеликорусский говор на территории Грозненской области // Известия Грозненского областного краеведческого музея. Вып. 6. Грозный, 1954. С. 106.

⁸⁵ Чеботарева В. Г. Указ. раб. С. 93—97; информаторы: Никитина Клавдия Ивановна. 1914 г. р., Денискин Иван Акимович. 1908 г. р. Ст. Червленая.

⁸⁶ Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Летне-осенние праздники. М., 1978. С. 26, 49.

⁸⁷ Пятирублев В. Указ. раб. С. 166—168.

⁸⁸ Пропи В. Я. Русские аграрные праздники. Л. 1963. С. 77.

⁸⁹ Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы... Весенние праздники... С. 286.

Calendar rituals of the Terek Cossaks

Calendar ceremonies of the winter-and-spring season which took place among the Terek Cossaks on the edge of XIX—XX are under the question. The article is based on the original field materials of the authors, gathered during their expeditions in 1970—1990s. The most attention is paid to the Christian festivity rituals, adopted and modified by the local tradition.

E. M. Belezkaja, N. N. Velikaja, V. B. Vinogradov

© 1996 г., ЭО, N 2

Б. В. Горбунов

ПАЛОЧНЫЕ БОИ

Из многообразия народной игровой культуры обычно выделяют традиционные воинские состязания¹. Можно определить их, на наш взгляд, как народные игры состязательного характера с явно выраженным военным сюжетом, в которых приобретаются специфические навыки и качества. Они составляют особый пласт народной культуры, отражающий важнейшую в человеческой истории сферу деятельности — военную. Такие игры — не изолированное явление, бытующее (или бытовавшее) только у отдельных народов; в той или иной мере они известны повсеместно и в каждом случае обладают этническим своеобразием. Последнее обусловлено как этническими особенностями в проявлении элементарных двигательных действий людей — способов ходьбы, бега, прыжков, толкания, сжимания кулаков и т. п., так и другими традиционно-культурными факторами.

Народные воинские состязания составляют у восточных славян, в частности у русских, древнюю традицию, и это обстоятельство неоднократно привлекало внимание этнографов².

В числе народных военно-спортивных состязаний в классических работах по этнографии восточных славян нередко упоминается традиционное народное фехтование на палках — так называемые палочные бои. Так, Н. И. Костомаров отмечает, что в «праздничные дни народ собирался на кулачные и палочные бои», и определяет последние как «подобие турниров», «примерные битвы», указывая таким образом на их игровой характер³. По сообщению М. И. Пыляева, в Москве в XVIII — первой половине XIX в. «зимою народ... в праздничные дни собирался на льду на кулачные и палочные бои»⁴. По данным Н. Ф. Сумцова, «в отдаленную старину в России» обычное развлечение составляли «кулачные и палочные бои»⁵. Д. К. Зеленин «из прочих развлечений восточных славян» называет «бои на кулаках и палках»⁶. Наконец, энциклопедический словарь конца XIX в. отмечает, что «бои кулачные и палочные составляли для русских своего рода потеху, увеселение, начиная с глубокой древности до недавнего времени»⁷. Однако не-